

ПОСИЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К НЕКОТОРЫМ СОБЫТИЯМ ЖИЗНИ ВИКТОРА МОИСЕЕВИЧА ДАЛИНА

М. В. Далин

История формирования идеологической платформы века Просвещения, равно как и история реформаторских порывов и социальных возмущений, породивших столь мощный катаклизм, который обычно называют Великой французской революцией, постоянно привлекали внимание российских ученых, политиков и публицистов. Преобразования в мире, следовавшие за этой Революцией, мощная волна социалистического движения, повлекшего новые революции, стали поводом для нового витка аналитических работ по названной проблеме.

Сохранился этот интерес и у поколения россиян, переживших Октябрьскую революцию. События, разыгравшиеся во Франции за 128 лет до петроградских потрясений, постоянно использовались лидерами революции России в качестве эталона для сравнения. Достаточно напомнить о работе Л. Д. Троцкого «Терроризм и коммунизм» (1920), где председатель Реввоенсовета республики доказывал необходимость длительной диктатуры на период перехода к социализму, которая, по его мнению, должна продлиться несколько десятков лет¹. Не менее яркий пример – историческая фраза В. И. Ленина, сказанная им сразу же после введения НЭПа в марте 1921 г.: «Это Термидор. Но мы не дадим себя гильотинировать. Мы совершим Термидор сами»².

Нет сомнения в том, что эти события и эти аналогии не могли не повлиять на мировосприятие российских историков XX века, причем в первую очередь тех, которые в своих трудах особое внимание уделяли Франции. Однако профессиональное сообщество историков в самой Франции к этому порыву советских исследователей отнеслось в общем-то прохладно. Всего лишь четверым из них посчастливилось добиться официального признания у французских коллег. В период после 1917 и до 1987 г. почетными докторами ряда французских университетов стали академик Е. В. Тарле, профессора Б. Ф. Поршнева, А. З. Манфред и В. М. Далин.

¹ Цит. по: *Серж В.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. М., 2001. С. 126.

² Там же. С. 159.

При всей несхожести названных ученых несомненно, что они внесли в исследование истории Франции весомый вклад, и видимо этим, в первую очередь, и обусловлен тот интерес, который проявляет к ним сегодняшняя российская историография. Подтверждением тому может служить увидевший в 2000 г. капитальный труд «Портреты историков. Время и судьбы», где трем из упомянутой четверки посвящены подробные очерки³. В данной связи особый интерес приобретают те «малые детали» из биографий этих историков, которые, подобно кусочкам разноцветной смальты, помогают создать в мозаичной картине жизни каждого из них нужную гамму света и тени, необходимую глубину перспективы и контуры объемов.

В отечественной литературе «малые детали», касающиеся Е. В. Тарле, присутствуют в огромном количестве и продолжают публиковаться, поражая читающую публику степенью неординарности столь колоритной личности. Чего, например, стоит сообщение о том, что гонорар за книгу о Наполеоне, написанную по заказу «великого кормчего» и опубликованную в 1936 г. Е. В. Тарле передал руководителям российского Политического Красного Креста Е. П. Пешковой и М. Л. Винаверу⁴.

К разделу столь же неожиданных деталей можно отнести и сведения, сообщаемые М. И. Роммом об организованном им в Москве в середине двадцатых годов самодеятельном театре крайне левого направления, где одним из актеров был Б. Ф. Поршневу («ныне, – пишет М. И. Ромм, – профессор истории»)⁵.

В публикациях, освещающих биографию В. М. Далина, таких «малых деталей» не много, а те, что есть, нуждаются в комментариях. Настоящая заметка и преследует цель в пределах имеющихся у автора возможностей дать пояснения по поводу некоторых «моментов», резко менявших течение жизни Виктора Моисеевича.

В семейной библиотеке сохранилась изданная товариществом М. О. Вольф «История великого полководца. Наполеон», составленная Н. Д. Носковым. Эту книгу с рисунками, портретами, снимками с картин, гравюр и т.д. подарили В. М. Далину 24 декабря 1909 г. его старшая сестра Татьяна и ее муж – Я. Флит. На первом листе надпись: «Маленькому историку, милому Вите». В большой семье одесского фактора никто не предсказывал поклоннику музыки Клио карьеры пламенного революционера.

В этой же семейной библиотеке хранится и выпущенная в 1970 г. издательством «Детская литература» небольшая книга «В двух подпольях.

³ Портреты историков. Время и судьбы. М., Иерусалим, 2000. Т. 2. С. 322–333 (об Е. В. Тарле), 403–415 (об А. З. Манфреде), 416–424 (о В. М. Далине).

⁴ *Видре К.* Хочу спасти от забвения. (М. Л. Винавер и политический Красный Крест) // Звезда. 2002. № 3. С. 179–190.

⁵ *Ромм М. И.* Автобиография. «От продагента до профессора режиссуры» // Встречи с прошлым. 1975. Вып. 2. С. 243.

Страницы из истории комсомола города Одессы времен гражданской войны», составленная М. А. Аркадьевым и В. М. Далиным. В ней речь идет о локальных событиях, происходивших на юге Новороссии, но всецело зависевших от такого грандиозного по масштабу преобразования, как революция в России.

Февральская революция вызвала в Одессе мощный подъем демократического движения. Наряду со взрослыми горожанами проявляла активность и молодежь. Среди гимназистов центральных кварталов города особой популярностью пользовался сын одесского юриста Самуила Сергеевича Зака Алексей. По рассказам В. М. Далина, не обходилось ни одной гимназической сходки, где бы не верховодил Алеша Зак. Он появлялся в собрании с большим куфером в руках, смело шел в сопровождении своих единомышленников к столу президиума, водружал куфер на председательскую часть стола и произносил ключевую фразу: «Я – к порядку ведения». Говорил Алеша прекрасно и его слушали, а сказать он мог многое, поскольку его отец, левый эсер, по Таврическому округу № 5 был избран в Учредительное собрание, причем избрание было поддержано Одесским советом крестьянских депутатов⁶. Вот за этим юным левым эсером и потянулся в бурлящий революционный поток В. М. Далин.

По инициативе Алеши Зака, его сестры Софьи, их близкого друга Михаила Уманова, позже ставшего мужем Софьи, а также по согласованию с многочисленными комитетами (а их летом 1917 г. в городе было более 14⁷) леворадикальная молодежь решила объединиться в собственную политическую организацию – Союз социалистической рабочей молодежи (ССРМ). В него вошли юноши и девушки, примыкавшие к большевикам, меньшевикам-интернационалистам, левым эсерам и анархистам. В июле 1917 г. избрали общегородской центральной комитет Союза, заказали печать с девизом «Будущее принадлежит нам». Секретарем Союза стал Семен Петрович Урицкий, большевик с 1912 г., племянник М. С. Урицкого⁸. Устав Союза был составлен на основании «Примерного устава», для социалистических молодежных организаций, подготовленного Н. К. Крупской и опубликованного в газете «Правда»⁹.

Мир устроен так, что в человеческую жизнь подчас входят люди, коренным образом ее меняющие. В. М. Далин потянулся в ССРМ вслед за Алешей Заком, но в новой жизни рядом с ним оказались именно те юноши, которые резко изменили линию его судьбы. В ССРМ входили гимназисты

⁶ Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М., 1993. С. 394.

⁷ Папчинский А. А., Тумиш М. А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001. С. 43.

⁸ Там же. С. 43, 356.

⁹ Максимов А. Л. Наша боевая дружина // Революционный держите шаг. Воспоминания ветеранов комсомола. М., 1984. С. 28–48.

Владимир Мирошевский и Оскар Разумов, юноши со средним профессиональным образованием, братья Абрам и Самуил Эйнгорны, кузены Эйнгорнов Григорий Ларский и Петя Поляк, конторщик Михаил Ровинский, рабочий маслобойного завода Илья Тартаковский, рабочий с Пересыпи Василий Васютин, сын учителя, стипендиат гимназии Михаил Шнайдерман, студенты – большевик Д. Кин и левый эсер Шелонин, представитель знаменитой в Одессе семьи Мартыновских Александр. И все эти юноши и отроки, как магниты высокого притяжения, увлекали радикально настроенную молодую поросль одесситов, ориентировали их на восхождение к высотам Революции.

Когда из Петрограда пришла весть о второй революции и молодежь ССРМ узнала, что депутат Учредительного собрания Самуил Сергеевич Зак, солидарный с другими левыми эсерами, поддержал большевиков и на Втором Всероссийском съезде Советов вошел вместе с Б. Д. Камковым, М. А. Спиридоновой и прочими товарищами по партии в состав ВЦИК¹⁰, наиболее прозорливой части Союза стало ясно, что Одессе предстоят новые потрясения.

В тот период городом владели как леворадикальные красногвардейцы, так и националисты – гайдамаки. Кто-то должен был уступить. В декабре в Одессу прибыл большевик В. Володарский. В военных организациях левых на руководящие посты были выдвинуты И. П. Уборевич, И. Э. Якир. На сторону большевиков перешел кавалерийский отряд Г. И. Котовского. В ночь с 13 на 14 января 1918 г. последовали успешные действия большевиков против гайдамаков. Утром 14 января большевики овладели городом¹¹. В составе победителей значилась и военная дружина ССРМ, возглавляемая рабочими-большевиками Ф. Морозом, Д. Крамовым, С. Гиммельфарбом¹². Одним из подразделений в этой дружине командовал Абрам Эйнгорн, получивший кличку Тарас¹³, а рядовым в ней сражался Генрих Люшков¹⁴.

Советская власть в Одессе продержалась около двух месяцев. Украинские националисты вступили в сговор с кайзеровской Германией и императорской Австрией, пытаясь немецкими штыками остановить революцию. 24 февраля 1918 г. Одесса была объявлена на военном положении. Но силы оказались неравными. На город наступало шесть дивизий оккупантов. Было принято решение об эвакуации. В ночь с 13 на 14 марта красногвардейцы оставили город.

¹⁰ Политические деятели России 1917 г. С. 391.

¹¹ Очерк истории одесской областной партийной организации. Одесса, 1981. С. 173.

¹² В двух подпольях. М., 1970. С. 13–17.

¹³ *Папчинский А. А., Тумишис М. А.* Указ. соч. С. 44.

¹⁴ Там же. С. 179.

Боевая дружина ССРМ при отступлении распалась на несколько групп: одна отходила в район Херсона и по пути была изрублена махновцами, другая примкнула к команде бронепоезда «Свобода или смерть», которым командовал большевик Андрей Полупанов, и ушла к Воронежу. Под защитой пушек бронепоезда в гражданскую войну вступили Семен Гиммельфарб, Тарас Эйнгорн и некоторые другие юные социалисты. Семен Петрович Урицкий примкнул к красным конникам и в 1919–1920 г. был командиром и комиссаром кавалерийских частей РККА. Остальные участники ССРМ остались в Одессе¹⁵.

По началу оккупанты утверждали, что «пришли в город исключительно с целью водворить порядок» и своими действиями всячески подчеркивали верховенство Центральной Рады, но 29 апреля Рада была разогнана и власть перешла в руки гетмана П. Скоропадского. В Одессе начались репрессии против леворадикальных элементов. В начале июля австрийский патруль разогнал легальное собрание ССРМ. Революционно настроенная часть Союза решила приступить к подпольной борьбе. В числе этой группы оказались Самуил Эйнгорн, Григорий Ларский, Михаил Ровинский, Оскар Разумов, Виктор Далин. Первая созданная ими подпольная ячейка носила название: «Молодежный революционный интернационал». Ее руководители через большевика Л. Леонтьева связались с председателем Одесского областного подпольного комитета Яном Гамарником. Последний предложил учредить союз коммунистической молодежи, а при нем новую боевую дружину. Это предложение было претворено в жизнь в начале августа, а в конце того же месяца в профсоюзе швейников «Игла» был назначен сбор актива и боевой группы. 27 августа, когда молодые революционеры стали собираться у швейников и принесли туда тираж своей листовки, в одноэтажный домик ворвались фельджандармы. Арестовали девять человек, в том числе руководителя боевой группы Федора Мороза, рабочего Федорова по прозвищу «Броневик», активиста боевой группы Моисея Коганова. За распространение листовок в число арестантов попал и Виктор Далин¹⁶.

Под арестом и следствием молодые революционеры находились до ноября месяца. Им грозил концлагерь под Лембергом (Львовом), но в это время в Германии случилась революция и войска оккупантов стали уходить с Украины. Девятка узников после трех месяцев заключения вышла на свободу¹⁷. По семейному преданию, возвращение «блудного сына» сопровождалось сожжением всей одежды и вещей, вынесенных из мест заключения: таким радикальным способом в сочетании с тщательной по-

¹⁵ Папчинский А. А., Тумишис М. А. Указ. соч. С. 46; В двух подпольях. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 25, 31.

¹⁷ Там же. С. 36–37.

мывкой родные ликвидировали всех принесенных в отчий дом тюремных вшей. А самому Виктору Моисеевичу первое в его судьбе тюремное заключение открыло и на всю жизнь подарило великое «чувство локтя». Как он сам позже написал: «мы были сильны этим чувством и знали, что рядом и сзади шагает товарищ, на которого можно положиться твердо»¹⁸.

События на Украине тем временем развивались своим чередом. 28 ноября 1918 г. было создано Временное рабоче-крестьянское правительство. Власть гетмана пала. Однако блок украинских националистов предпринял еще одну попытку сохранить свои позиции. Возникла Директория, пригласившая на Украину войска Антанты. 27 ноября 1918 г. корабли французов появились в порту Одессы. Под прикрытием их орудий в городе обосновались деникинцы. 12 декабря 1918 г. прошел общегородской митинг на котором было объявлено о выборах в новый Совет. 17 декабря в Совет были выбраны 400 депутатов, среди которых абсолютное большинство принадлежало большевикам и левым эсерам. Народ юга России доверял этой коалиции. Но высадившийся десант французских войск, вступление в город новых частей деникинцев и появление петлюровских куреней не позволили Совету начать свою работу¹⁹.

Период интервенции в Одессе пришелся на одну из героических страниц молодежного движения в городе и области. Как известно, по инициативе В. И. Ленина в декабре 1918 г. в войсках интервентов начала пропаганду «Иностранная коллегия», в которой плечом к плечу с российскими большевиками С. И. Соколовской, Я. Л. Елиным и другими работали польская коммунистка Гелена Гжелякова, сербский революционер Стойко Ратков, французская коммунистка Жанна Лябурб²⁰. Молодым левым радикалам Одессы было у кого учиться пролетарскому интернационализму. По инициативе лидера одесских коммунистов Николая Ласточкина они организовали собственную подпольную типографию, где стали выпускать газету «Коммунист» на русском и французском языках. Одновременно там же печатались листовки на языках тех национальностей, чьи солдаты входили в состав войск интервентов. Секретарем русского издания газеты стала Софья Яновская. Молодые подпольщики были связными у членов «Иностранной коллегии»²¹.

В ночь с 1 на 2 марта белогвардейские офицеры ворвались на квартиру Жанны Лябурб, арестовали ее вместе со Стайко Ратковым и, присоединив к ним еще четверых арестованных активистов «Иностранной коллегии», повезли в ту же ночь на расстрел²². Трупы загубленных доставили в город-

¹⁸ Далин В. М. Цугом, по одному // Там же. С. 30–37.

¹⁹ Очерк истории... С. 192.

²⁰ Там же. С. 193.

²¹ В двух подпольях. С. 72–80.

²² Там же. С. 79. Во время этого переезда Стайко Раткову удалось бежать.

ской морг, свалив убийство на неизвестных бандитов. Молодой коммунист М. Гарин вместе с С. И. Соколовской принял участие в опознании тел, а затем, вместе с другими молодыми подпольщиками – в траурной церемонии захоронения погибших на кладбище²³.

Одесса, оккупированная интервентами и деникинцами, привлекала к себе российских традиционалистов. В их числе оказался и И. А. Бунин. Какое-то время им с женой казалось, что жизнь начинает входить в колею: возобновляют свою деятельность литературные кружки, создаются издательства. Как-то в разговоре с женой писатель заметил: «Я все больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство»²⁴. Великий русский писатель XX века ставил на ту карту, которой сочувствовал. Те, кому он желал успеха, действовали с полной отдачей сил. 15 марта был схвачен и зверски замучен руководитель одесских большевиков, человек негибаемой воли и великого мужества И. Ф. Смирнов (Николай Ласточкин). После страшных пыток труп подпольщика был брошен в море. Палачи боялись, что очередные публичные похороны приведут к еще более массовой демонстрации, чем та, что сопровождала захоронение Жанны Лябурб и ее товарищей по «Иностранной коллегии».

В конце марта в Одессу прибыли новые пополнения вооруженных сил стран Антанты, но ничего уже не могло спасти интервентов и внутреннюю контрреволюцию. Локомотив российской истории работал с полной отдачей и отнюдь не в пользу И. А. Бунина. Верх брали левые. Во второй половине апреля красный флаг подняли моряки французской эскадры, руководимые коммунистом Андре Марти. Позже судьба еще сведет В. М. Далина с этим человеком, а в то время он вместе со своими товарищами по Союзу молодых коммунистов приветствовал это красное полотнище со знаменитой одесской портовой лестницы.

12 апреля 1919 г. И. А. Бунин записал в своем дневнике: «Уже почти три недели со дня нашей гибели. В полдень 21 марта зовут меня к телефону. Беру трубку. «Кто говорит?» – «Валентин Катаев. Спешу сообщить невероятную новость: Французы уходят». – «Как, что такое, когда?» – «Сию минуту» – «Вы с ума сошли?» – «Клянусь вам, что нет. Паническое бегство!». Выскочил из дому, поймал извозчика и глазам своим не верю. Бегут!»²⁵.

После изгнания интервентов власть в городе снова перешла в руки Совета рабочих депутатов. Вновь избранный Одесский губком партии, куда вошли активисты подполья Я. Б. Гамарник, С. И. Соколовская, И. Е. Клименко и другие, развернул большую работу по укреплению со-

²³ Революционный держите шаг. 1984. С. 43.

²⁴ Бунин И. А. Великий дурман. Неизвестные страницы. М., 1997. С. 4.

²⁵ Бунин И. А. Собрание сочинений. Берлин, 1935. Т. 10. С. 43.

ветской власти. На помощь им из центра был прислан Станислав Францевич Реденс, назначенный начальником Одесского губЧК. От местной коммунистической организации в ЧК вошел Б. С. Юзефович (Северный), а от молодых коммунистов – Тарас Эйнгорн. Уйдя с командой бронепоезда «Свобода или смерть» из Одессы в марте 1918 г., Тарас вместе с моряками Андрея Полупанова воевал под Воронежем, Симбирском, Самарой, Уфой, Бугульмой, а затем, став членом военного совета Оренбургской группы 1-й армии Восточного фронта в течение апреля-июня 1919 г. участвовал в обороне Оренбурга от белоказачьих войск атаманов Бакича и Дутова. Победа красных позволила Тарасу просить разрешения о возвращении в родной город²⁶. К этому же времени относится и окончательное решение его родного брата. Самуила Эйнгорна о вступлении в ряды большевиков. С весны 1919 он – активный участник партийной организации и за ним прочно закрепляется партийная кличка Игнат²⁷.

Второе пришествие советской власти в Одессу продлилось дольше первого. В конце июля началось восстание немцев-колонистов, и хотя в середине августа его удалось подавить, 23 августа при поддержке англо-французского флота деникинцы высадили десант в районе Большого Фонтана, а в ночь на 24 августа заняли Одессу.

И. А. Бунин участвует во всех торжествах по случаю освобождения города, присутствует в соборе на молебне по убиенным, выступает с речью на банкете в честь генерала А. И. Деникина, читает публичную лекцию «Великий дурман»; читает дважды – публики так много, что не все желающие могут попасть в зал²⁸.

А молодые коммунисты снова уходят в подполье. Ими руководят уже приобретшие известность в Одессе Л. Б. Гамарник, В. Н. Лапина, С. И. Соколовская. Одесскую молодежь в этом подполье возглавляют Григорий Ларский, Василий Васютин, Алексей Максимов, Оскар Разумов (теперь он носит фамилию Тарханов), Игнат Эйнгорн, Виктор Далин. Боевой разведкой комсомольцев руководит Тарас Эйнгорн²⁹. Подпольщики налаживают издание газеты, которую называют «Одесский коммунист». В ее выпуске принимают активное участие В. Н. Лапина, А. М. Панкратова, А. С. Мартыновский (но теперь у него подпольная кличка – Тарас Костров)³⁰. Среди подпольщиков этого призыва – Генрих Люшков и Михаил Ровинский (у него фамилия Югов). Есть среди них и анархисты, в частности Александр Улановский.

²⁶ Папчинский А. А., Тумишис М. А. Указ. соч. С. 46–47.

²⁷ Далин В. М. Товариш Игнат // На чолі молоді. Киев, 1969. С. 54.

²⁸ Бунин И. А. Великий дурман. С. 4.

²⁹ Революционный держите шаг. С. 47.

³⁰ Очерк истории... С. 203.

Этот период в жизни В. М. Далина можно назвать периодом первых реальных потерь. Работа в подполье шла с большими трудностями – провал следовал за провалом. Несла тяжелые потери партийная подпольная сеть: деникинцы арестовали группу работников разведывательного отдела подпольщиков во главе с А. В. Хворостининым и зверски их замучили. Позже арестовали группу подпольных функционеров, занимавшихся пропагандистской работой. В их числе были П. С. Лазарев и Г. Люшков. Большинство арестованных погибло. Затем настала очередь молодых коммунистов. Арестовали 17 человек, судили их показательным судом (так называемый «Процесс семнадцати») и девятерых приговорили к смерти. Их зарубили шашками и закололи штыками. Деникинская контрразведка арестовала и Игната Эйнгорна. Он также был приговорен к смертной казни, и лишь усилия Красного креста отсрочили приведение приговора в исполнение.

Все эти события совпали с провалом деникинского похода на Москву. В октябре-декабре белые потерпели ряд поражений и начали отходить на юг. В январе-феврале Красная Армия освободила Харьков, Киев, Екатеринослав. 7 февраля 1920 г. конное соединение под командованием Котовского вместе с частями 41-й и 45-й дивизий Южного фронта заняли Одессу. Помимо прочих положительных эмоций, стремительный захват города красными принес В. М. Далину и личную радость. Его друг по подполью Игнат Эйнгорн остался жив и вышел на свободу³¹.

Всего три месяца проработали после этих событий молодые одесские коммунисты в родной организации. Далее их путь лежал в Харьков на съезд украинского комсомола. Оттуда Игнат направился в Москву как делегат III съезда комсомола и был избран в состав его ЦК. В. М. Далин вместе со своими товарищами по одесской молодежной организации О. Тархановым и М. Юговым вначале входил в состав ЦК комсомола Украины, а с 1922 г. стал вместе с О. Тархановым и В. Васютиным членом ЦК РКСМ³².

Иначе сложилась судьба Тараса Эйнгорна. Вначале, после выхода из подполья, он работал в Одесском ЧК под началом С. Ф. Реденса. После переезда в Одессу Г. Э. Штубиса (Заковского), Реденс согласился на перевод Тараса в Харьков. Оттуда, через Москву, тот попал в Туркестан, а через 6 месяцев вернулся к своему сослуживцу по Одесскому ЧК Борису Юзефовичу в Харьков. Летом 1922 г. он направил документы для поступления на восточный факультет Военной академии. С сентября 1922 г. Тарас приступил к учебе в Академии Генерального штаба³³. Условия для прохождения курса слушателями были тогда трудными: занятия с 9 часов утра до 22 ча-

³¹ Далин В. М. Товариш Игнат. С. 57.

³² Там же. С. 58.

³³ Папчинский А. А., Тумишис М. А. Указ. соч. С. 51–54.

сов, с двумя часовыми перерывами на обед и ужин, скудный паек, плохо отапливаемые помещения, ограниченность в средствах. Зная обо всех ожидающих его сложностях студенческой московской жизни, Тарас по приезду в столицу через Исполком Коминтерна просил ЦК РКСМ оказать ему помощь в поправке здоровья. Речь шла о выделении путевки в санаторий. Протоколом № 68 от июля 1922 г. секретариат ЦК РКСМ (напомним, что в это время одним из секретарей ЦК РКСМ был родной брат Тараса – Самуил Игнат-Эйнгорн) принял решение отказать Т. Эйнгорну в его просьбе «ввиду отсутствия мест»³⁴. Учился Тарас истово. Особенно хорошо ему давались иностранные языки. За 2 года напряженных занятий он в совершенстве овладел английским, французским и немецким. Успешными были и его штудии теории военного дела. В ноябре 1924 г. Т. Эйнгорн окончил курс и начал работать в бюро конспирации Коммунистического интернационала молодежи.

Примерно тогда же его двоюродные братья Г. Ларский и П. Поляк стали студентами; первый учился на двухгодичных курсах при социалистической Академии, а второй – в Университете им. Я. М. Свердлова³⁵. Не отстал от братьев и Самуил-Игнат. Осенью 1922 г. после завершения работы V Всероссийского съезда РКСМ его командировали для обучения на курсы марксизма при ЦК РКП(б).

Иначе складывалась судьба леворадикальных молодых одесситов, сохранивших приверженность своим партиям. По тем сведениям, которые остались в семейном архиве В. М. Далина, Алексей Зак, после выхода из подполья, в составе фракции интернационалистов партии левых социалистов-революционеров на III съезде этой партии был избран в число ее руководителей, но в ночь с 8 на 9 сентября 1920 г. арестован сотрудниками ЧК. Его приговорили к заключению в концентрационный лагерь впредь до окончания гражданской войны. Дальнейшая судьба кумира юности В. М. Далина автору настоящей заметки не известна. Его сестра Софья зиму 1920–1921 г. провела в Харькове, оставаясь функционером партии левых социалистов-революционеров, но в 1922 г. прекратила политическую деятельность. Ее муж Михаил Петрович Уманов, также арестованный в Харькове в 1920 г. как активный функционер партии левых социалистов-революционеров, в марте 1922 г. вышел из заключения, а затем прекратил свое участие в политической деятельности. Самуил Сергеевич Зак в двадцатые годы жил в Москве по адресу 1-я Мещанская ул., д. 5, кв. 58, но и его судьба в архиве В. М. Далина никак не отражена.

³⁴ Архив ЦК ВЛКСМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Протокол № 68 заседания секретариата ЦК РКСМ от июля 1922 г.

³⁵ Там же. Протоколы заседаний секретариата ЦК РКСМ № 59 от 22 мая 1922 г. и № 66 от 21 июня 1922 г.

Несколько больше известно о студенте Шелонине, одном из организаторов ССРМ. В партии левых социалистов-революционеров он был избран членом ЦК, потом прекратил политическую деятельность, но в 1937 г. его имя фигурировало «в составе амальгамы» при выдвижении обвинений против начальника Волгостроя Н. Н. Алексева³⁶. Об анархисте А. Улановском известно, что, перейдя в Коммунистическую партию, он стал сотрудником военной разведки³⁷.

Леворадикальное прошлое В. М. Далина и его друзей по ССРМ постепенно «подергивалось патиной», но большевики-ортодоксы об этом всегда помнили. Сохранился рассказ одного из друзей В. М. Далина по ССРМ – М. А. Аркадьева, которому в начале 20-х годов довелось стать свояком В. М. Молотова. Бывая дома у секретаря ЦК РКП(б) и «по родственному» выслушивая некоторые высказывания Вячеслава Михайловича, М. А. Аркадьев как-то завел разговор об одесских подпольщиках. В ответной фразе хозяина вдруг прозвучало: «Ну как же, как же, Игнат – меньшевик, а Далин – эсер». К счастью и для Игната и для В. М. Далина в 20-е годы этот комментарий секретаря ЦК РКП(б) никакого реального продолжения не имел.

С. Игнат отличился на советской хозяйственной работе и стал одним из ближайших сотрудников Серго Орджоникидзе в «Главэнерго». Т. Эйнгорн успешно работал во внешней военной разведке. Там же с 1935 г. начальником Разведуправления РККА в чине комкора был и С. П. Урицкий. Именно ему принадлежала идея засылки Рихарда Зорге в Японию и именно под его руководством была осуществлена столь сложная акция. Г. Ларский после учебы и партийно-хозяйственной работы стал сотрудничать в Институте мирового хозяйства АН СССР и поселился в доме на Берсеневской набережной. О. Тарханов проявил свои недюжинные способности в роли политического советника Гоминдана в Китае, но в 1927 г. за активное участие в объединенной оппозиции был исключен из рядов ВКП(б). В 1928 г. его восстановили в партии и привлекли в военно-политической работе в ОКДВ (Особой Краснознаменной Дальневосточной армии). В оппозиции оказался и другой товарищ В. М. Далина по одесскому подполью – М. С. Югов, оканчивавший к тому времени Институт красной профессуры в Москве. По решению ЦКК его выслали в Минск и привлекли к работе в Госплане Белоруссии.

Сам В. М. Далин после 1923 г. «в партийном строительстве» участия не принимал. Окончив Институт красной профессуры он вместе с Е. С. Николаевым и С. С. Бантке на 8 месяцев отправляется в Париж и в период 1929-1930 гг. стажировается у профессора А. Матъеза. К тому же периоду

³⁶ Папчинский А. А., Тумишис М. А. Указ. соч. С. 299.

³⁷ Там же. С. 60.

относится и знакомство В. М. Далина с текстом дневников И. А. Бунина, которые тот вел в Одессе в 1918–1919 гг., а позже, обосновавшись в Париже, издал как эссе под названием «Окаянные дни». Для И. А. Бунина «красная молодежь» осталась кланом «совершенно диких волков» с грубыми повадками и резкими манерами³⁸, а для В. М. Далина они – прежде всего интернационалисты, создатели индустриальной и оборонной мощи новой России. Но великий литературный дар Бунина Виктор Моисеевич ценил чрезвычайно высоко и на всю жизнь остался верным читателем замечательного русского прозаика.

По возвращении из Парижа В. М. Далин преподавал в Коммунистической академии им. Я. М. Свердлова и в Международной ленинской школе, где произошла его очная встреча с Андре Марти. Оставаясь левым радикалом, В. М. Далин не принимал участия в партийных дискуссиях, но постоянно поддерживал дружеские отношения с друзьями юности по ССРМ. По семейному преданию именно это желание сохранить «чувство локтя» и привело В. М. Далина к очередному излому линии его жизни.

В 1932 г. в Москву из Минска приехал Михаил Югов. Визит этот не предполагал никаких особых осложнений и В. М. Далин вместе с Самуилом Игнатом навестили М. Югова в его московском пристанище. Случилось, однако, так, что именно в этот вечер Югов был задержан сотрудниками НКВД, а В. М. Далин и С. Игнат оказались невольными свидетелями ареста их комсомольского друга. Путь Югова после этого лежал в сибирскую ссылку, а в «деле объективного наблюдения», которое, по всей очевидности, велось на В. М. Далина, появился веский аргумент «для разработки».

Конечно же, «разработка» эта велась исподволь. В. М. Далин с 1934 г. стал преподавать в МГУ, где вскоре занял должность заместителя заведующего кафедрой и удостоился звания профессора. Однако арест сотрудника той же кафедры Н. Ванага в 1936 г. прозвучал для В. М. Далина как звон предупреждающего колокола. Началась проработка по партийной линии. Председательствовал на проработочном партийном собрании товарищ В. М. Далина по работе в ЦК РКСМ и его соавтор по учебному пособию для средних школ М. С. Зоркий³⁹. По семейному преданию, покающаяся речь В. М. Далина была сочтена неубедительной. «Ты плохо каешься!» – резюмировал председательствующий. В начале сентября 1936 г. Виктора Моисеевича арестовали. После года следствия (к счастью, тогда еще чекисты не применяли допросов «с пристрастием») ему был вынесен приговор, и поезд, а затем пароход повезли его в Магадан. Общие работы, острое забо-

³⁸ Бунин И. А. Великий дурман. С. 110–118 (очерк «Итоги» был впервые опубликован в нью-йоркской газете «Утро» в 1922 г.)

³⁹ Далин В. М., Зоркий М. С., Рахметов В. Н. Рабочая книга по истории для школ крестьянской молодежи. М., Л. 1928.

левание. Чудом сохранив жизнь, В. М. Далин в больничном дворе лагеря встретился с Тарасом Эйнгорном.

Военный разведчик, а позже – заместитель начальника УНКВД по Приморскому краю, Тарас с августа 1936 г. возглавлял инспекцию УНКВД по Московской области при ее начальнике – С. Ф. Реденсе. Инспекция занималась контролем исполнения распоряжений и приказов Реденса, а также выполняла личные поручения начальника областного УНКВД. На этой должности Тарас проработал до февраля 1937 г. Затем его перевели сотрудником по особым поручениям в Главное управление государственной безопасности НКВД, а 21 марта 1937 г. арестовали. 21 июня 1939 г. Тараса приговорили к изоляции в концентрационном лагере, и с осени 1939 г. он стал эком на Колыме.

К тому моменту, когда Тараса только собирались «раскручивать», начальником УНКВД по Дальневосточному краю был соратник Эйнгорна по одесскому подполью Г. Люшков. За то время, что потребовалось для осуждения Тараса и его переправки на Колыму, генерал Люшков окончательно «прозрел» и 12 июня 1938 г. перебежал в полосу 59-го Посьетского погранотряда к японцам. И все же, какие-то связи с чекистами в Приморском крае у Тараса сохранились. В лагере он получил место нарядчика, позже стал счетоводом и помощником по снабжению. Именно он и спас В. М. Далина от возврата на общие работы: пламенный революционер и трепетный поклонник музыки Клио стал банщиком.

Рассказ о некоторых событиях жизни В. М. Далина мы доведем до 1946 г., когда, вернувшись из концлагеря и поселившись на 101-ом километре от Москвы в г. Александрове Владимирской области, он получил разрешение преподавать историю в Ярославском педагогическом институте. Послевоенное тяжелое время, утрата близких и друзей, строгости паспортного режима – все отступало на второй план, поскольку на первый вышла долгожданная и любимая история. В. П. Волгин поручил ему готовить комментарий к изданию книги Ф. Буонаротти «Заговор равных».

Тарас Эйнгорн освободился из лагеря в 1945 г. и также прописался в г. Александрове, но работу получил в городке Мантурово Костромской области «на ниве снабжения». По разным делам он полулегально выбирался в Москву. Об одном из таких его появлений в столице сохранился рассказ Льва Ларского, сына Григория Ларского, кузена Тараса Эйнгорна.

«Наступил 1948 г. К нам (в квартиру на Берсеневской набережной) стали наезжать люди в ватниках, бушлатах, пропахших махрой, с корявыми мозолистыми руками... С трудом в этих лесорубах, шахтерах, золотодобытчиках узнавались бывшие профессора, военные, ответработники и прочие соратники папы по большевистской жизни... В основном это были «счастливики», отбывшие свой срок в ГУЛАГе и оказавшиеся в Москве

«по случаю», так как проживание в столицах было им запрещено. В ту зиму отец болел и лежал с инфарктом в больнице...

И вот вдруг на мою голову сваливается славный чекист по фамилии Эйнгорн – мой “дядя Тарас”. Отца пришлось заменять мне, а для этого требовалась водка. Мы с дядей Тарасом распили пол-литра на двоих. Знал бы я, что бывшего зэка так развезет, я бы чаем ограничился. А он начал нести т. Сталина. Насилу мне удалось перевести разговор на другую тему. И тут дядя Тарас стал рассказывать, как лично контролировал в 1937 г. арест своего – “ну как брата” – лучшего друга Витеньки Далина, заведомо зная, что тот ни в чем не виноват. Глядя мне в глаза, дядя вопрошал: “А что, лучше было бы, если бы чужие люди это делали?”.

Заснул дядя Тарас прямо за столом. А я не мог уснуть до утра. На следующий день я пересказал гостю, что с ним было и что он поведал. Дядя Тарас схватился за голову. “Лева, я ведь тяжело болен. Мне совершенно нельзя пить!”⁴⁰. Автору настоящей заметки довелось рассказать эту историю своему близкому другу Александру Павловичу Аллилуеву. Выслушав новеллу, он не удивился. «Время было такое. 21 декабря 1937 г. моя матушка справляла свой день рождения. Семью представляли почти все родные (правда, И. В. Сталин отсутствовал). Были и С. Ф. Реденс с женой Анной Сергеевной Аллилуевой, был и Алеша Сванидзе. Разошлись за полночь, а в 5 часов утра Алешу Сванидзе арестовали чекисты по ордеру, подписанному С. Ф. Реденсом. Время было такое!».

Как относиться ко всей коллизии, к «чувству локтя», так восторговшему В. М. Далина и так круто менявшему линию его жизни? Ответ на этот вопрос дал как-то сам Виктор Моисеевич. Было это в 70-х годах, после выхода на экраны фильма М. И. Ромма «Обыкновенный фашизм». Хорошо известно, что к работе над этой лентой были привлечены Савва Кулиш и Нея Зоркая. А последняя – дочь историка М. С. Зоркого, того самого, кто так истово исповедовал сталинизм и не принял покаяний В. М. Далина в 1936 г. Фильм произвел на В. М. Далина большое впечатление. Высоко оценивая работу режиссера, он хвалил особо его помощников, «таскавших каштаны из огня» и мимоходом заметил, что в Нее Зоркой сработали прекрасные отцовские гены. Тут взорвалась супруга Виктора Моисеевича. «Что прекрасного в этом сталинисте? За что ты его хвалишь. Ты, которого он, по сути дела, топил!». Виктор Моисеевич помолчал, а потом вдруг медленно заговорил: «Может быть, и топил, а не окажись я в 1941 г. на Колыме, лежать бы мне в белоснежных полях под Москвой рядом с Муней Зорким и Володей Мирошевским. Где весь цвет Московского ополчения?»

⁴⁰ Ларский Л. Мемуары ротного придурка. Иерусалим, 1982. Кн.2. С. 232–238.

А я вот он – здесь!». И замолчал. Замолчала и Софья Моисеевна. Что тут скажешь – так получилось!